

Н.А. Хачатурян

**ТЕМА КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
В РОССИЙСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ:
РЕФЛЕКСИИ И ЭКСПЕРИМЕНТ**

Статья посвящена анализу исследований королевского двора, которые были реализованы в рамках работы научной группы «Власть и общество» под руководством автора данного текста. Деятельность группы была направлена на пересмотр политизированного отношения к королевскому двору как малозначимому институту. Автор статьи выявляет основные направления современных исследований, рассматривающих королевский двор как комплексный институт.

Ключевые слова: история Средних веков, историография, Франция, королевский двор

Научная судьба предложенной вниманию читателей темы королевского двора весьма показательна для демонстрации одной из особенностей историографии как дисциплины, взятой в рамках «долгой протяженности». Часто давно известные вниманию исследователей, но, казалось бы, мало интересные и периферийные сюжеты, на каком-то этапе обретают новую жизнь. Внезапное для обыденного сознания возрождение интереса к ним, тем не менее, имеет свои причины. Оно может объясняться, в частности, общественными или политическими импульсами, что усиливает субъективный характер исторического поиска, в принципе свойственный ему.

Однако в контексте развития исторического знания и исследовательской практики существенно больший интерес представляют новые возможности и обретения, идущие от накопленного позитива в истории науки. При этом конструктивность их воздействия делают более выразительными не стихийные находки и озарения историков, пытавшихся проникнуть в суть явления, – но отрефлектированные изменения в задачах и подходах к исследованию.

Что касается обозначенной нами темы, то в западноевропейской и отечественной медиевистике можно выделить как общие для национальных школ, так и специфические оттенки в ее научной судьбе.

Нина Александровна Хачатурян, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Статья написана в рамках научного проекта РГНФ № 12-01-00366а.

В прошлом национальные европейские школы объединяла общая оценка сущности явления как лишенного научной привлекательности. Ситуацию не спасал очевидный факт его универсальности и связанности с властной функцией в обществе. В условиях выраженного полицентризма средневекового общества двор как социально-политический институт существовал на разных, достаточно высоких уровнях власти, контролирующей территорию принципатов (светских и церковных), этнонациональных государств или империй. С некоторой долей ограничений нельзя исключить наличия двора (придворного общества) в условиях коллективной власти в городах-республиках, хотя предельная по степени выраженности модель этого института реализует себя в пространстве авторитарной власти.

Причастность к властной функции, тем не менее, не помешала исследователям оценивать королевский двор как консервативный и скандальный институт, сугубо элитарный по своему составу, уступающий по своей значимости другим политическим учреждениям. Подобная позиция в западной медиевистике XIX в. в качестве привходящих причин объяснялась увлеченностью историков институтами, воплощавшими парламентский режим и принцип разделения властей, то есть будущее европейской истории.

В отечественной медиевистике советского периода аналогичное отношение к явлению усугубляла официальная марксистская методология, которая исключала его из приоритетных объектов исследования, поместив в разряд «запретных тем»¹.

Тем не менее привходящие обстоятельства – в данном случае политизированность темы – должны были уступить место фактору сущностного значения. Его содержание составили радикальные сдвиги в философии истории, которые происходили на рубеже XIX-XX вв. К середине прошлого века они изменили видение исторического процесса в целом и подходы к его анализу. Обобщая картину наиболее важных обретений философского и исторического знания, следует выделить прежде всего новое понимание роли духовного фактора в историческом процессе.

Оно не просто компенсировало его недооценку в позитивизме, увлеченном сюжетами материальной и социально-экономической жизни, а также в марксизме, сторонники которого в теории настаивали на «вторичности» сознания. Новое понимание предполагало преодоление анти-

¹ Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.: СПб., 2001. С. 5-30.

номии материи и духа, свойственное идеалистической и материалистической философии XIX и первой половины XX вв. В противовес традиционному разрыву материи и духа – оно подчеркнуло их неразрывную связку и взаимопроникновение. Новая эпистема утверждала и обогащала комплексное и системное видение исторического процесса и связанное с ними сопряжение социальной и политической истории, укоренявшее последнюю в общественную жизнь.

Наконец, направление культурно-исторической антропологии, в известной мере синтезирующее научный поиск историков в области «человеческой», «событийной», ментальной истории, позволило существенно углубить формулу двойственной природы человека – социальной и физико-психологической, подчеркнув сложную структуру человеческого сознания и его роль в качестве регулятора общественного поведения.

Именно эти изменения в историческом знании определили новое видение института королевского двора, а изучение последнего весьма красноречиво и плодотворно продемонстрировало эпистемологический креатив темы. Для отечественной медиевистики переход к новой эпистеме был существенно затруднен глубиной политического и идеологического кризиса, который переживала страна в 60-80-е гг. прошлого века. На начальных этапах методологических изменений исторической науке приходилось преодолевать позитивистскую теорию «отражения», в плену которой находилась и марксистская методология, а также жесткие рамки последней и свойственные любому кризису деструктивные компоненты¹. Поэтому в западной медиевистике интерес к теме двора обнаружил себя заметно раньше, хотя само направление по ее изучению тоже формировалось постепенно; и появление книги Н. Элиаса, открывшей возможности пересмотра устоявшихся оценок, отстояло по времени от организации специальных комиссий и разработок специальных проектов французских, английских, итальянских, немецких медиевистов и историков раннего Нового времени².

¹ Хачатурян Н.А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // СВ, М., 2001. Вып. 62. С. 194-212.

² Elias N. La société de cour. P., 1974; Strong R. Splendour at Court. L., 1973; Elton G.R. Tudor Government: the Points of Contact. The Court // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Vol. 3. Cambridge, 1983; Starkey D. The English Court from the Wars of Roses to the Civil War. L., 1987; Henry VIII: A European court in England. L., 1991; La royauté sacrée dans le monde chrétien. Colloque de Royaumont, mars 1989. P., 1992; Fêtes et cérémonies aux XIVe-XVIe siècles. Rencontres de Lausanne. 23 au 27 septembre 1993. Neuchâtel, 1994; La cour comme institution économique. P., 1998; Fürstliche Residenzen im spätmittelalterlichen Europa. Sigmaringen, 1991.

В начале 1990-х гг., в рамках Ассоциации российских медиевистов и историков раннего Нового времени, на базе кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ была создана научная группа «Власть и общество» под моим руководством. Планируемая группой деятельность была рассчитана на активизацию разработок в области средневековой политической истории, консолидацию усилий отечественных специалистов в масштабах страны и, в конечном счете, обновление исторического знания. Исследовательское ядро группы составили ученые нескольких университетов – Санкт-Петербургского, Московского, Саратовского и Ставропольского, научные сотрудники институтов РАН, а также музеев Москвы и Петербурга.

Уже на первых научных встречах, организованных группой «Власть и общество»¹, тема двора присутствовала в качестве «сопутствующей». Специальное обращение к ней на конференции «Жизнь двора и его отражение в литературе Средних веков и раннего Нового времени» 1998 г.² не изменило и в дальнейшем исходного рассмотрения темы в качестве органической части более общей истории власти и средневековой политической истории.

Невозможно не признать факта стимулирующего импульса, идущего от творчества западных медиевистов, на разработку темы двора в отечественной науке. Однако оценка фактора «влияния» требует корректировки. Следует иметь в виду наличие общеевропейского научного пространства, основы единства которого активно закладывались еще историческим знанием XIX в. Оно предполагало неизбежность взаимовлияния и вместе с тем не исключало своеобразия национальных школ. Эту особенность подтверждала отечественная медиевистика в XIX и даже в XX в., несмотря на трудности, которые она испытывала, в частности, в условиях господства марксистской методологии с ее претензиями на монополию. Став ограниченными, контакты отечественных медиевистов советской поры с зарубежной наукой, тем не менее, не прерывались в силу самого факта специализации в области западноевропейской средневековой истории.

Убедительную коррективу в фактор «влияния» вносит тот научный актив, которым располагала отечественная медиевистика. Его не купи-

¹ Первые научные конференции группы «Власть и общество»: «Харизма королевской власти: миф и реальность» (май 1993 г.); «Придворная культура эпохи Возрождения и власть» в ноябре 1994 г. совместно с научной группой «Культура Возрождения» под рук. проф. Л.М. Брагиной; «Средневековое европейское дворянство: от рыцаря к придворному и officier» (МГУ, 1996 г.).

² Ее итогом стала коллективная монография «Двор монарха в Средневековой Европе».

ровал статус политической истории в качестве «неактуальной» области знаний, в соответствии с марксистской дуальной схемой базиса и надстройки. Однако та же марксистская методология обеспечила утверждение и разработку «социального подхода» к политической истории, который был утерян вплоть до 70-х гг. XX в. зарубежной медиевистикой в условиях кризиса исторического знания на рубеже XIX-XX вв. Результативность «социального подхода» к политической истории в отечественном знании не могла перечеркнуть упрощенное на первых порах представление о природе социальных отношений, главным объектом внимания в характеристике которых оставались классовые противоречия. Тем не менее картина социальных связей постепенно усложнялась, начиная с 60-х гг., ознаменованных попытками «обновления» марксизма, в частности, за счет анализа сословных связей.

Сопряжение политической и социальной жизни позволило отечественной историографии заметно продвинуть разработки социальной природы государственных средневековых форм¹. В рамках советского периода и кризиса 60-90-х гг. она не отказалась от системного подхода и генерализирующей истории, обеспечивающих значимость и плодотворность исторической науки.

Начиная с конца 70-х и начала 80-х гг. в отечественной науке происходит смещение объектов исследовательского интереса к социологическим проблемам: изучению самого феномена власти и ее анатомии в духе М. Вебера, Ж. Эллюля или М. Фуко. В этом контексте были предприняты разработки по проблемам специфики условий реализации политической власти в средневековом обществе (политический полицентризм и природа этой особенности; попытки структурного анализа полицентризма)²; анализ авторитарной и коллективной природы власти³; анализ темы средневекового корпоративизма и его институционально-правовая оформ-

¹ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984; Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960; Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976; Она же. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989; Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610-1620). Л., 1959; Lublinskaya A.D. French Absolutism: The Critical Phase. 1620-1629. Cambridge, 1968; Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

² Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. С. 18-43; Она же. Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа // СВ. М., 1991. Вып. 54.

³ Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

ленность, отразившая социальную активность западноевропейского общества. Разработки этой проблемы позволили усложнить и углубить картину государственной жизни, в которой сосуществовали, в диалоге и противоречиях, власть и общество¹.

Примерно в те же годы актив по изучению государственной и политической истории в целом, дополняли отдельные редкие исследования, отразившие специальный интерес их авторов к теме двора – главным образом в контексте придворной культуры и истории политической мысли². Поэтому «открытие» отечественными историками темы двора не было внезапным. Ее разработка в рамках научной группы «Власть и общество» получила организационное оформление, хотя в весьма своеобразной форме. «Институциональная», условно говоря, определенность общности ученых не предполагает жестких границ, будучи рассчитана только на научный интерес и соответствие творчества высоким требованиям современного академического знания. Задачи подобного «целенаправленного» решения с помощью выбора темы научных встреч, как правило, с учетом факта их «актуальности» или потребностей современной, в том числе отечественной науки, с учетом пожеланий специалистов, в последующих дискуссиях на научных встречах и при подготовке материалов к публикации. Деятельность группы, таким образом, создает необходимое научное пространство, которое стимулирует творчество, не претендуя ни в коей мере на монополизацию в разработке заявленных ею тем, с осознанием того, что успех обозначенной деятельности определяют специализация и активность ученых.

Сегодня исследовательские проекты научной группы, органической частью которых стали сюжеты, посвященные истории двора, насчитывают солидный, почти в два десятилетия, срок существования. Его результаты красноречиво отражает работа конференций и публикации их материалов³.

¹ Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // ВИ. 1983. № 1; Она же. Словная монархия. С. 28–43; Она же. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992.

² Статьи в публикациях научной группы «Культура Возрождения». Заслуживает внимания осознанная и целенаправленная линия на исследование английского двора XV–XVII вв., реализуемая в творчестве и образовательной практике профессора СПбГУ С.Е. Федорова. Показательным итогом можно считать публикацию работ С.Е. Федорова и шести его учеников-аспирантов, теперь уже молодых дипломированных специалистов (А.А. Паламарчук, Е.В. Бакалдина, В.С. Ковин, Н.А. Журавель, С.В. Буров, В.А. Ковалев), специального сборника трудов с комплексным анализом темы: «Королевский двор в Англии XV–XVII вв.». СПб., 2011.

³ Сегодня за плечами участников проекта «Власть и Общество» восемь научных общероссийских конференций и семь опубликованных коллективных монографий: Двор монар-

В качестве общего по характеру, но принципиально важного итога следует признать, что принятый в проектах принцип рассмотрения интересующей нас темы в широком контексте политической средневековой истории – и в целом конкретно-исторической действительности, – позволил раскрыть природу королевского двора как комплексного института, соединившего в себе политическую, социальную и культурную функции. Очевидное для исследователей функциональное назначение института облегчает нашу задачу систематизации итогов работы в данной статье.

Оценки результатов в разработке политической функции двора целесообразно начать с его институциональных особенностей как властного учреждения, реализовывавшего внутреннюю и внешнюю политику верховной авторитарной власти. Именно это обстоятельство побудило организаторов проектов включить рассмотрение проблемы в рамки более общей темы становления и эволюций средневековой государственности.

Исходная точка средневековой государственности – результат эволюции сеньории бана¹. В данном случае речь идет о сеньории, принадлежащей королю, который в условиях формирования и раннего периода утверждения феодальных отношений был только «первым среди равных», чья власть, как у частного сеньора, имела своим источником земельную собственность. В этих условиях частная резиденция (дом, двор) любого более или менее крупного земельного собственника приобретала «публичные» функции – судебные, административные, военные, воплощая специфическую особенность политической средневековой истории – полицентризм. В случае принадлежности резиденции королю реализация ее функция неизбежно выходила за пределы семьи, ближайшего окружения и далее – домениальных владений монарха, олицетворявшего верховные притязания.

ха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006; Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007; Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2010; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. Указанные издания не исчерпывают всех трудов отечественных медиевистов, посвященных теме двора.

¹ Сеньория (вотчина) – организм, в рамках которого сеньор реализовал свое право собственности на землю с помощью не только экономического, но и политического, «властного» (*ban*) принуждения. Отмеченная особенность была присуща общественной системе, в которой существовал раздел собственности на землю с собственностью на орудия труда.

Таким образом, «дворцовое управление» на этапах раннего средневековья и феодальной раздробленности, по существу, воплощало «государственную» организацию общества.

В условиях централизации постепенно складывающаяся система специальных ведомств – судебного, административного, финансового, военного – перетянула на себя управление страной, демонстрируя прогресс в строительстве государственного механизма. Однако в этом случае двор монарха, реализовывавшего верховную власть, сохранял положение центра политической системы, вершины государственного аппарата. Исследования показывают, что эта ситуация порождала особую линию противоречий во взаимоотношениях монарха с исполнительным аппаратом. Парадоксальность ситуации объяснялась, казалось бы, безусловной зависимостью служащих государственного аппарата, действовавших «именем короля и во имя короля». Возможность известной автономизации исполнительного аппарата, даже в условиях авторитарной власти, побудила медиевистов, в частности на материалах истории двора, к попыткам оценить своеобразие процесса зарождения и эволюции «средневековой» формы вневременного явления – бюрократии¹.

Работа участников проекта по истории двора (в частности, по вопросу о характере «дворцового управления»: составе служащих, природе их служб, структуре института) выводит их «эксперимент» с источниками на принципиально важную в эволюции средневековой государственности проблему соотношения публичного и частного начала. Ее решение приобрело новое наполнение в контексте актуального сегодня и весьма перспективного направления в медиевистике по изучению *État moderne* – средневекового государства, которое рассматривается в качестве формы, непосредственно предшествующей государству Нового времени.

Разработка концепции не являлась «открытием» для исторического знания конца XX в., однако хотя и известная, но знаковая для нее идея движения по пути превращения патримониального государства в публично-правовое, приобрела новое звучание, впитав накопленный наукой актив в изучении средневековой государственности и предложив

¹ Хачатурян Н.А. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории гражданского общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 166-177; Она же. Запретный плод... С. 14-16; Она же. Бургундский двор XV в. и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша // Двор монарха. С. 121-136. Проблема соотношения частного и публичного характера социальных связей и служб в средневековом обществе, и в частности при дворе, исследуется на конкретных материалах истории Германии (А.Ю. Прокопьев, Т.Н. Ташенко), Англии (С.Е. Федоров, А.Г. Глебов, Е.В. Бакалдина, В.С. Ковин), Венгрии (Т.П. Гусарова), Франции (С.К. Цатурова, Е.И. Носова).

специальные нетрадиционные решения в рамках комплексного рассмотрения вопроса.

Принятый в целом историческим знанием XX столетия «социальный» подход к периодизации средневековой государственности рассматривал его формы в контексте эволюции общественной системы в целом – ее становления (варварские и раннесредневековые государства), утверждения и расцвета в условиях феодальной раздробленности и процессов централизации (феодалы монархии и принципаты, сословные монархии), ее последующего разрушения в условиях «абсолютных» монархий. Новая концепция сдвинула внимание исследователей на природу государственного механизма, поставленного в широкий контекст экономической, социальной, институциональной, правовой и духовной жизни общества, заметно углубив тем самым характеристики последнего.

Мотор и показатель процесса «модернизации» – утверждение публично-правового начала – демонстрировали замену личностных социальных связей и личностного характера службы на опосредованные государством. Укрепление позиций верховной власти в борьбе с полицентризмом и преимущественными позициями средневекового локального начала выводили членов сообщества из частного или корпоративного сословного секторов жизни, превращая их в «подданных» государства и закладывая основы их конституирования в качестве «граждан», то есть юридически свободных членов сообщества, озабоченных не только проблемой обеспечения политических прав, но «общим благом» и собственной ответственностью за него. Процесс этот растянулся на столетия и не был решен в рамках «средневековой» истории.

Конкретные и теоретические исследования позволяют оценить уровень «модернизации» государственности в качестве показателя «силы» государственного начала и условия процесса формирования «национальных» государств¹.

Институциональная история двора, даже на этапе включения его в общий процесс модернизации государственности, убедительно демонстрирует, на наш взгляд, зыбкость границ между частным и публичным началами в характере власти² и практиках управления, а также отнюдь не триумфальное и весьма постепенное развитие процесса изживания

¹ Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество и индивид. С. 34-43; *Она же*. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предистории «гражданского общества» // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 166-189.

² Мера и качество исходно «публичной» по назначению светской верховной власти зависели от общественного развития.

частных компонентов в эволюции государственности в целом. Что касается двора, то красноречивым показателем этого наблюдения служат примеры в виде практики совмещения должностей частной и публичной службы, неоднозначный и неодномоментный процесс конституирования публичного характера денежного вознаграждения за службу, в котором следует учесть источник формирования казны (домениальные доходы монарха или налоги, тем более «прямые»), а также некоторые другие моменты.¹

Исследовательский поиск отечественных медиевистов в изучении истории двора позволяет выделить в качестве специального направления его социальный анализ.

В качестве местопребывания государя или принца двор конституировал осязаемую социальную реальность – общность, состав которой колебался от 2-3 сотен до нескольких тысяч человек, консолидирующую по преимуществу политическую элиту общества, располагавшую земельными богатствами и политическими прерогативами по месту в социальной иерархии и положению в государственной структуре. Они могли быть связаны отношениями родства, но непременно были связаны отношениями службы королю и близостью к нему, что превращало общность в корпорацию, хотя конституционально не оформленную. Горизонтальные связи не исключали внутренних противоречий в ней, наличия клиентел и партий, ведущих борьбу за влияние на верховную власть. Это делало двор очагом политической борьбы, завязанной на ситуацию в обществе. Примеры, довольно часто представленные в конкретных разработках медиевистов, позволяют, на наш взгляд, посмотреть на политическую функцию двора в контексте современного широкого толкования самого понятия «власть», связанного с именем М. Фуко, французского философа и социолога второй половины XX в. Раскрывая предложенную им формулу «всеобщей поднадзорности» человека в обществе, Фуко пишет о реализации власти не только в рамках государственного управле-

¹ *Прокотьев А.Ю.* Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // *Власть, общество и индивид.* С. 83-95; *Он же.* Габсбурги и Веттины в век религиозного раскола: механизм сохранения имперского единства // *Империи и этнонациональные государства.* С. 121-146; *Таценко Т.Н.* Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в. Герцогство Вюртембергское // *Там же.* С. 338-376; *Цатурова С.К.* Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV вв. // *Там же.* С. 308-337; *Хачатурян Н.А.* Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского Средневековья // *Там же.* С. 5-16; *Она же.* «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // *Там же.* С. 66-88.

ния, но власти обычая, религии, цензуры, школы, семьи, больниц и зубо-врачебного кабинета, принудительных установок ведомственных или сословных корпораций...¹

В контексте подобных рассуждений оправданной и целесообразной выглядит наша попытка подчеркнуть специальную значимость «личностного» фактора в качестве средства реализации любого вида власти, тем более на высшем государственном уровне. В общем пространстве государственного управления именно двор оставался прибежищем для сохранения личностного принципа в социальных и служебных связях, – факт особенно интересный в условиях набирающего силу процесса формирования публично-правового государства. Близость к королю неизбежно сопрягалась с прямой или опосредованной причастностью к политике верховной власти: служба «рта и тела», публичные службы в суде, финансовом и военном ведомствах двора, дипломатической деятельности. Связанные с этим возможности – арбитраж, протекция, интриги, диффамация, умолчания – позволяли придворным выступить в качестве регуляторов и проводников правительственной политики или, наоборот, силы, блокирующей ее.

Отмеченная особенность в практике двора подтвердила, уже в условиях Средневековья, известной историческому знанию вневременной характер явления.

Не менее пристального внимания заслуживает, по нашему мнению, факт формирования в придворной среде особого социального типа – дворянина-куртизана, сменившего функцию военной службы на форму не только службы, но жизни «придворного», действующего по преимуществу в рамках личной связи с монархом, в частности, в условиях исполнения должности в публичных ведомствах не только двора, но государственного аппарата. Новый статус требовал не просто образованности, но знания принципов «жизни в свете», сообщая правилам чести и придворного поведения значение «цивилизующего» фактора в жизни общества в целом.

Конкретные исследования в пространстве отмеченных мной особенностей социальной истории двора позволяют если не пересмотреть, то уточнить традиционное мнение о сугубо элитарном характере придворного сообщества. Они свидетельствуют об открытости его границ, а также процессе обновления состава, в частности за счет провинциального дворянства или чиновного компонента, – факты, углубляющие тему «диалога», связи власти и общества. Наконец, двор при ближайшем рассмо-

¹ Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975.

тренинги оказываются включенным в социальную динамику средневекового общества, обеспечивая скупое, но «движение вверх» по ступенькам социальной иерархии.

Третьим большим направлением в деятельности группы «Власть и общество», организующим научный поиск в теме двора, стало изучение политической истории в ее культурных параметрах, ставшее принципиально важной новацией в развитии мирового исторического знания в целом. Она оказалась возможной в условиях отмеченных мной выше радикальных сдвигов в методологии истории, в первую очередь благодаря переоценке роли сознания в историческом процессе и нового решения вопроса о его соотношении с материальным фактором.

Достижения в области философии истории существенно расширили само пространство политической истории, увеличив число объектов, несущих искомую информацию, обогатив способы видения и методику их исследования.

Заметные изменения претерпела традиционная сфера изучения политической мысли и политического сознания, где набирает силу внимание не только к творчеству интеллектуалов или проблемам политической пропаганды с заданностью идеологических построений, но более сложным для понимания сюжетам общественного или быденного сознания. Попытки анализа духовной жизни средневекового общества на ее ментальном и отрефлексированном уровнях рисуют не только более красочную и живую, но весьма неоднозначную структуру общественного сознания¹.

Обращение к культурной истории двора довольно неожиданным, точнее, непривычным образом открыло новую страницу в изучении одного из наиболее сложных и сущностных вопросов, связанных с природой королевской власти и средствами ее реализации. Ею стала тема репрезентации власти, связанная с процедурами коронации и помазания, исцеления, похорон и свадеб монарха, повседневным этикетом и знаковым церемониалом поведения за столом, отхода ко сну и пробуждения короля, аудиенциями с послами, судебными заседаниями, турнирами и охотой. Двор стал грандиозным и ослепительным театром королевской власти, обеспечивавшим «нематериальные», художественные формы в средствах властвования. Практика репрезентации, которая ранее казалась историческому сознанию бессмысленной причудой, в действительности конституировала и закрепляла в сознании подданных представление о

¹ Названную проблематику активно разрабатывают И.Я. Эльфонд, О.В. Дмитриева, М.А. Бойцов, Л.М. Брагина, А.А. Паламарчук, Р.М. Асейнов, Е.В. Калмыкова и др.

величии короля и той дистанции, которая подчеркнута отделяла его от них. Вместе с тем она служила средством своеобразного диалога, игры, создающей образ величия, явленного народу, отражая и стимулируя веру в него в качестве протектора, с которым этот народ связывал свои страхи и надежды. Как форма по преимуществу элитарного искусства, практика репрезентации власти, в которой были задействованы литературный текст и мизансцены, изобразительные виды искусств – живопись и скульптура, музыка – послужила одним из источников рождения театра Нового времени с его специализацией по трем видам искусств – драматического театра, балета и оперы¹.

В контексте результатов собственно исторических исследований следует подчеркнуть значение практики репрезентации для изучения важной формы средневековой духовной жизни – ритуала. Разработки в этой области вывели медиевистов в смежную для историков область психологии средневекового человека с одной из ее сущностных особенностей – символизмом сознания. Анализ смыслов ритуалов и знаков верховной власти – короны, руки правосудия, эмблем и геральдики, монет, знамен, печатей, самих процедур, подчас весьма странных – к примеру, «усаживание» на престол духовного лица или монарха в момент коронации – все это требовало погружения в глубины не только сознания, но и подсознания (по Фрейд), в частности, архетипов первобытного сознания.

Исследования репрезентативной практики в контексте ее ритуально-символических форм и в пространстве, неизбежно выходящем за пределы двора, демонстрировали ее проявления не только в сфере собственно религиозных, но и светских форм жизни: в торжественных процессиях по случаю открытия парламентских сессий в Англии или приездов государя в город любой из западноевропейских стран; в «закодированных» процедурах суда, праздниках светского характера с широким использованием аллегорий, а также в знаках социальной иерархии и вассальных связей².

Будучи дополнена в ряде работ анализом правовой истории, эта практика, наконец, позволила конкретизировать сложную комбинацию сакрально-правовых компонентов в природе королевской власти, получившую отражение в постепенно меняющемся образе монарха в сознании средневековых людей. Последний аспект послужил основанием для формирования специального аспекта в изучении истории двора и

¹ См. исследования М.А. Бойцова, С.А. Польской, С.Е. Федорова, Н.А. Хачатурян, Т.П. Гусаровой, О.В. Дмитриевой, А.А. Сванидзе, В.А. Ковалева.

² См.: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012; Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI – начала XVII вв. М., 2011.

феномена власти – имагологии¹. Завершая характеристику интересующей нас темы в отечественной медиевистике, сохраняющей традиционную приверженность к «рефлексирующей» истории, следует отметить попытку социологического анализа явления «придворной культуры», представленной в историческом знании у нас и за рубежом, как правило, сугубо конкретной характеристикой ее отдельных форм (видами искусства, науки, политической мысли, творчеством художников, мыслителей, политических деятелей). Оценки обобщающего характера в имеющейся литературе касаются в лучшем случае особенностей «национальной» культуры².

Упомянутая попытка предполагала анализ природы, места, специфики и роли явления в рамках западноевропейской средневековой культуры в целом. Параметры анализа включили в себя характеристику понятия «природная культура», качественная определенность которой была связана с социальной наполненностью человеческой общности как ее носителя, а также с соотношением явления с природой культурной доминанты в средневековом обществе. В оценке особенностей и факторов развития придворной культуры были отмечены, в частности, ее светская в целом направленность; исключительный характер прямого и обратного воздействия на нее политического фактора, множественность форм последнего вплоть до субъектной активности самих монархов; фактор взаимодействия культур, наконец, специфическая социальная среда в Западной Европе с активными формами общественного развития, создающими конкурентную среду для придворной культуры в городских и университетских центрах образования и культуры и некоторые другие особенности.

Они позволяли откорректировать в оценке роли придворной культуры утверждение о ее сугубо «элитарном» характере, а также отметить ее особое, отнюдь не периферийное место в культурном пространстве. Реализуя особый характер взаимодействия с доминирующей в обществе культурой – в частности, сущностную включенность в нее, – придворная

¹ См.: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; *Хачатурян Н.А.* Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 19-28; *Она же.* Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 5-15.

² Тематические сборники по культуре Возрождения под ред. Л.М. Брагиной (1977-2012. Вып. 1-3); История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1999; *Шрайнет П.* К проблеме культуры византийского двора // Двор монарха в средневековой Европе. С. 289-301.

культура играла авангардную роль по многим позициям в качестве организующего и креативного центра¹.

Воссозданная в статье картина исследований темы королевского двора побуждает высказать несколько итоговых соображений. Эти исследования не были погоней за модой, а также не были продиктованы только желанием преодолеть характерную для медиевистики советского периода недооценку политической истории, но поисками путей обновления исторического знания в целом. Решение подобной задачи предполагало переход исторической науки в новое методологическое пространство – переход, который был отягощен глубиной и спецификой кризиса, переживаемого отечественной наукой.

В состоявшейся, на наш взгляд, несмотря на трудности, реализации задач обновления науки, и в частности медиевистикой, особую роль сыграли как раз «неактуальные», «вторичные» по своей значимости в недавнем прошлом области исторического знания, изучающие духовную и политическую жизнь средневекового общества. Это не было случайностью, так как именно переоценка фактора сознания и природы его соотношения с материальными формами жизни стали решающим условием выхода из кризиса мирового исторического и философского знания XX столетия. Именно в эти сферы исторического знания сместилось внимание российских исследований, которые превратили их в своеобразные «лаборатории» формирования, принятия и применения новой философии истории и современной методологии. Очевидно, не будет преувеличением сказать, что полученные научные результаты в интересующей нас теме свидетельствуют о движении вперед по этому пути.

Список литературы

Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.; СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A. Zapretnyj plod... ili Novaja zhizn' monarshego dvora v otechestvennoj medievistike // Dvor monarha v Srednevekovoj Evrope. Javlenie. Model'. Sreda. M., SPb., 2001*].

Хачатурян Н.А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // СВ. М., 2001. Вып. 62. [*Hachaturjan*

¹ *Хачатурян Н.А.* Западноевропейская придворная культура в Средние века и ранее Новое время: параметры явления // Придворная культура эпохи Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной (в печати).

N.A. Sovremennaja otechestvennaja medievistika v kontekste mirovoj istoricheskoy nauki // Srednie veka. M., 2001. Vol. 62].

Elias N. La société de cour. P., 1974.

Strong R. Splendour at Court. L., 1973.

Elton G.R. Tudor Government: the Points of Contact. The Court // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Vol. 3. Cambridge, 1983.

Starkey D. The English Court from the Wars of Roses to the Civil War. L., 1987.

Henry VIII: A European court in England. L., 1991.

La royauté sacrée dans le monde chrétien. Colloque de Royaumont, mars 1989. P., 1992.

Fêtes et cérémonies aux XIVe-XVIe siècles. Rencontres de Lausanne. 23 au 27 septembre 1993. Neuchâtel, 1994.

La cour comme institution économique. P., 1998.

Fürzstliche Residenzen im spätmittelalterlichen Europa. Sigmaringen, 1991.

Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. [*Korsunskij A.R.* Obrazovanie rannefeodal'nogo gosudarstva v Zapadnoj Evrope. M., 1963].

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. [*Korsunskij A.R., Gjunter R.* Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj imperii i vzniknovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.). M., 1984].

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960. [*Gutnova E.V.* Vozniknovenie anglijskogo parlamenta (iz istorii anglijskogo obshhestva i gosudarstva XIII v.). M., 1960].

Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976. [*Hachaturjan N.A.* Vozniknovenie General'nyh Shtatov vo Francii. M., 1976].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A.* Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989].

Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610-1620). Л., 1959. [*Ljublinskaja A.D.* Francija v nachale XVII v. (1610-1620). L., 1959].

Lublinskaya A.D. French Absolutism: The Critical Phase. 1620-1629. Cambridge, 1968.

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990. [*Koposov N.E.* Vysshaja bjurokratija vo Francii XVII v. L., 1990].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A. Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989*]

Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа // СВ. М., 1991. Вып. 54. [*Hachaturjan N.A. Politicheskaja i gosudarstvennaja istorija Zapadnogo Srednevekov'ja v kontekste strukturnogo analiza // Srednie veka. M., 1991. Vyp. 54*].

Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. [*Hachaturjan N.A. Avtoritarnyj i kollektivnyj principy v politicheskoj jevoljucii srednevekovoj gosudarstvennosti // Vlast' i politicheskaja kul'tura v srednevekovoj Evrope. M., 1992*].

Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // ВИ. 1983. № 1. [*Hachaturjan N.A. Gorod v sisteme feodal'noj formacii // Voprosy istorii. 1983. N 1*].

Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М., Саратов, 1992. [*Hachaturjan N.A. Fenomen korporativizma // Obshhnosti i chelovek v srednevekovom mire. M.; Saratov, 1992*].

Королевский Двор в Англии XV-XVII вв. СПб., 2011. [*Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vv. SPb., 2011*].

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. [*Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija, simbolika, ceremonial. M., 2004*].

Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Iskusstvo vlasti. Sb. v chest' prof. N.A. Hachaturjan. SPb., 2007*].

Власть, общество и индивид в средневековой Европе. М., 2008. [*Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008*].

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2010. [*Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2010*].

Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Imperii i jetnonacional'nyje gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Хачатурян Н.А. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории гражданского общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [*Hachaturjan N.A.* Evropejskij fenomen soslovnogo predstavitel'stva. K voprosu o predystorii grazhdanskogo obshhestva // Hachaturjan N.A. Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. М., 2008].

Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество и индивид в средневековой Европе. М., 2008. [*Hachaturjan N.A.* Fenomen soslovnogo predstavitel'stva v kontekste problemy *État moderne* // Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. М., 2008].

Прокопьев А.Ю. Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // Власть, общество и индивид. [*Prokop'ev A.Ju.* Proshhanie s paternalizmom? Vettiny i saksonskoe dvorjanstvo v pervoj polovine XVII v. // Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. М., 2008].

Прокопьев А.Ю. Габсбурги и Веттины в век религиозного раскола: механизм сохранения имперского единства // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Prokop'ev A.Ju.* Gabsburgi i Vettiny v vek religioznogo raskola: mehanizm sohraneniya imperskogo edinstva // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. М., 2011].

Таценко Т.Н. Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в. Герцогство Вюртембергское // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Tacenko T.N.* Razvitie central'nyh organov upravlenija v nemeckih territorial'nyh gosudarstvah XVI v. Gercogstvo Vjurtembergskoe // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. М., 2011].

Цатурова С.К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV вв. // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Tsaturova S.K.* Nominacija vedomstv i sluzhb kak strategija formirovanija suvereniteta korolevskoj vlasti vo Francii XIII-XV vv. // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. М., 2011].

Хачатурян Н.А. Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского Средневе-

ковья // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Hachaturjan N.A. Gorizonty temu: tipichnost', preemstvennost' i kreativ politicheskikh form v istorii zapadnoevropejskogo srednevekov'ja // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Хачатурян Н.А. «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Hachaturjan N.A. «Korol' – imperator v svoem korolevstve»... Politicheskij universalizm i centralizovannye monarhii // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975.

Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. [*Tsaturova S.K. Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII-XV vekov. M., 2012*].

Хачатурян Н.А. Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Hachaturjan N.A. Zapadnoevropejskij monarh v prostranstve vzaimootnoshenij s duhovnoj vlast'ju (morfologija ponjatija vlasti) // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

Хачатурян Н.А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Hachaturjan N.A. Sakral'noe v chelovecheskom soznanii. Zagadki i poiski real'nosti // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1999. [*Istorija kul'tury stran Zapadnoj Evropy v jepohu Vozrozhdenija. M., 1999*].

Шрайнет П. К проблеме культуры византийского двора // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.; СПб., 2001. [*Shrajnet P. K probleme kul'tury vizantijskogo dvora // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope. Javlenie. Model'. Sreda. M.; SPb., 2001*].